

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

Над созданием коллекции работали:

**Вересов Сергей,
Гаврилова Мария,
Гапанович Ольга,
Курганова Юлия,
Мишина Вера,
Моисеева Валентина,
Никитин Александр,
Овчаренко Екатерина,
Прокофьева Елена,
Прокофьева Светлана,
Татаринов Виктор,
Урядина Юлия,
Хрусталева Елена**

Владислав Бахревский

НАЧАЛО УКРАИНЫ
ДОЛГИЙ ПУТЬ К СЕБЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б30

Дизайн обложки (АиФ. Исторический роман)
Анны Якуниной
Дизайн обложки (Все тайны истории) *Дианы Бобешко*

Бахревский, Владислав Анатольевич

Б30 Начало Украины. Долгий путь к себе: [исторический роман] / Владислав Бахревский. – Москва, Издательство АСТ, 2015. – 320 с.

ISBN978-5-17-091801-0 (АиФ. Исторический роман)
ISBN978-5-17-090600-0 (Все тайны истории)

«Начало Украины. Долгий путь к себе» – это история великого воссоединения – Малороссии с Великороссией. Украинский гетман войска Запорожского Богдан Хмельницкий в контексте эпического по своему размаху военного действия, в которое вовлечены Московская Русь, Речь Посполитая, Украина, Крым и конечно, Османская империя. Владислав Бахревский – один из тех авторов, которые очень остро чувствуют необходимость правильной оценки прошлого, которое помогает верно оценить настоящее: «Я теперь вижу, как много в них (исторических книгах) заложено нужного нашему времени...» Перед вами не просто книга, а картина эпохи, события которой предрекли ход дальнейшего развития истории на несколько веков вперед. Сплетение судеб, военные действия и перемирия, политические и светские интриги глазами простых людей, у каждого из которых своя правда. И, как всегда, на фоне исторической эпопеи, трогательная история любви старшего сына Богдана Хмельницкого Тимоши и дочери господаря Роксанды.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бахревский В. А.
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-091801-0

9 785170 918010

ISBN 978-5-17-090600-0

9 785170 906000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Угодно это кому-то или нет, а не обласканный критикой, не отмеченный большими литературными или государственными наградами и даже не прославивший сам себя какими-либо медийными скандалами Владислав Анатольевич Бахревский — один из самых значительных ныне исторических и детских писателей России, вклад которого в русскую литературу рано или поздно будет по достоинству оценён. Речь идёт, конечно, только о формальном признании. А книги писателя и сейчас стоят за себя. Они издаются и переиздаются, у писателя есть свой верный читатель. Книги его хорошо знают библиотекари, ибо они востребованы.

Если брать только исторический аспект творчества Бахревского, следует отметить, что в его творчестве отражены ключевые моменты истории России.

XVII век. Ему писатель посвятил десять больших романов, ряд повестей, пьес и рассказов. От Смуты — полного краха русского государства, через её преодоление ко времени царя Алексея Михайловича, когда Белое царство собралось, преобразилось, обрело территорию, близкую к границам СССР, и все ресурсы, которые делают нашу страну великой даже после «окаянных дней» Горбачёва и Ельцина. И тут же падение в бездну церковного раскола... И дальше: ко времени «утаённого» светлого царя-отрока Фёдора Алексеевича, ко времени Стрелецких бунтов и воцарения Софьи, Иоанна, Петра...

Эпопея Бахревского «Святейший патриарх Тихон» — о временах уничтожения романовской России, о новейшем расколе церкви на «тихоновцев» и «обновленцев». О Святейшем Тихоне, который личным пастырским подвигом спас Православие от уничтожения неверием.

Недавно опубликованный роман «Иосиф Волоцкий» — опять-таки о великой для России эпохе — эпохе освобождения из-под власти Золотой Орды и об искушении государства и народа «ересью жидовствующих».

А есть ещё пока только в журналах публиковавшийся роман о братьях Перовских, в работе роман о блистательном гусаре-разведчике и монахе Булатовиче. Роман «Ярополк» посвящён времени князя Святослава и княгини Ольги.

Сказки Бахревского «Златоборье», «365 чудес в году» и другие — это запечатлённое чудо образов народной и авторской фантазии, нашей редчайшей на планете природы, которая почему-то называется скромной, неброской. И главное — язык. Язык сказок — это явленное богатство русского сердца и души.

Представляемый читателю роман «Долгий путь к себе» Владислав Бахревский считает, возможно, самым лучшим своим историческим произведением. Роман велик по объёму, по масштабу описываемых событий. И это, конечно, не сухая хроника воссоединения Малороссии с Великороссией, а прекрасное живописное историческое полотно.

В разворачивающееся действо вовлечены не только Московская Русь, Речь Посполитая и Украина, но и Крым, и Молдавия, и Венгрия, и Швеция, и Ватикан, и, конечно, Османская империя — все игроки тогдашней восточноевропейской шахматной партии. Круговорот событий и судеб, военные действия и перемирия, политические и светские интриги, неожиданные повороты — всё это интересно само по себе. Но мы видим их не со стороны, мы видим их глазами ярких персонажей романа, коих множество. Автор не устаёт переселяться то в одного, то в другого. Радоваться их радостями, гневаться их гневом, горевать их горем, думать их думы. Автор любит всех, за всеми признаёт их собственную правду. И тем драматичнее события, ибо мы всё-таки болеем за своих.

Гердер называл народы «мыслями Бога». Следовательно, даже у сражающихся между собой мыслей — один исток и, видимо, есть-таки некий общий провиденциальный замысел. Эта мысль не покидает при чтении не только данного романа, но и других исторических произведений Владислава Бахревского.

Писатель любит Малороссию, любит красоту украинских сёл, обычаев, удивляется хитрости и доблести запорожцев: они — и воины, и лекари, и певцы, и чародеи. Но тут же и предатели своего народа — верные слуги шляхты и магнатов... Автор бережно ведёт линию турецких султанов и их вельмож. Бахчисарай крымских татар — это сама поэзия. А набеги — это, конечно, набеги. Для татарина удача — захватить в России, в Польше, в Малороссии рабов. Татарин — разбойник, но всё же не исчадие ада. Богдан Хмельницкий заключает военный союз с крымским ханом, дружит с отдельными татарскими родами. И это верные союзники. Впрочем, военная удача переменчива. В пылу одной из роковых битв объятый ужасом хан бежит с поля боя, а пытающегося остановить его Хмельницкого от греха подальше увозит в Крым вместе с собой.

Польша показана как многослойное общество. Автор любит пани Мьльскую и с содроганием сердца рисует деяния Иеремии Вишневецкого, других магнатов. Польша блистательна, но это — колосс на глиняных ногах. Претензии и своеволие шляхты расшатывают государство. Короли Польши — персонажи трагические, их воля ограничена сотнями статей, которые они подписывают при восшествии на престол. В высшей степени трагична фигура Адама Киселя — русского по крови, православного польского сенатора, дипломата, одного из немногих вельмож Речи Посполитой, который в трагическую эпоху пытается остановить крушение когда-то могучей республики.

Большое место в романе занимает образ господаря Молдавии Василия Лупу. История любви старшего сына Богдана Хмельницкого Тимоша и дочери господаря Роксанды. Пожалуй, линия Тимоша Хмельницкого — это настоящий рыцарский роман в теле исторической эпопеи. То, что выпало на долю этого героя, настолько удивительно, что кажется легендой. Но не легенда! Очень часто историческая правда занимательней, красочней, невероятней сюжетов баллад менестрелей и авантюрных романов.

В то же время история жестока. «Хмельниччина» — это целый водоворот лютой жестокости со всех сторон. И опять же у всех свои оправдания для жестокости.

Многогранен и трогателен сам образ самого Богдана Хмельницкого. Много выпало на долю этого человека. Образование получил у иезуитов. Служил реестровым казаком, был верноподанным Речи Посполитой. Попал в плен туркам. По слухам, ему даже пришлось формально принять ис-

лам. Вернулся на родину. Служба продолжилась. Дослужился до сотника. Перевалило за пятьдесят. И тут посыпалось: умерла жена, польский чиновник пан Чаплинский отнял имение, чуть не заporол до смерти старшего сына. Богдан пытался добиться правды в Варшаве, на королевском суде. Не добился ничего. Тут-то и понял сотник, что рано ему думать о старости, о покое. Он едет в Запорожскую Сечь, поднимает восстание. Время для этого было очень подходящее. В Польше царил произвол шляхты, король был неизменно слаб в своих полномочиях, на народ были наложены новые тяжёлые подати. Вождь восстания же оказался поразительно умным стратегом. Призывая на помощь Москву, он заручился союзом крымского хана и никогда не переставал вести тонкую дипломатическую игру с разными сильными людьми самой Речи Посполитой.

Богдан Хмельницкий оказался прекрасным полководцем. Выигрывал сражения, брал города. Вёл умелую военную пропаганду среди казаков и крестьян, которым в «свободной» Речи Посполитой жилось весьма и весьма нелегко. Ведь это именно польской шляхте мы обязаны термином «быдло». Так они называли селян-землепашцев. Однако были на пути Богдана не только победы, но и тяжелейшие поражения. Иногда казалось, что всё проиграно, всё кончено. Приходилось всё начинать заново. И если в начале восстания у чигиринского сотника во главе угла, возможно, стояли личные обиды, то по мере развития событий Богдану Хмельницкому пришлось вырасти и стать истинным отцом и защитником всего своего многострадального народа.

Россия во всей этой истории объективно выглядит весьма и весьма благородной и доброй силой. Вопреки распространённому мнению о нашем империализме русское правительство очень долго не желало ввязываться в разворачивающиеся события. Послы Хмельницкого и других казачьих вождей бывали в Москве много раз, много раз шли переговоры и на малорусской земле. Молодой в те поры царь Алексей Михайлович, опираясь на мнение ближайших к нему бояр, не единожды отказывал украинским послам в просьбе взять Украину под свою державную руку, в то же время не отказывая казакам в помощи деньгами и оружием. Переломную роль тут сыграл патриарх Никон, который в годы своего возвышения фактически определял многие царские решения как во внутренней, так и во внешней политике. Никон стал истинным заступником страдающего от прямого польского ге-

ноцида украинского народа. Сочувствуя малороссам, которых шляхта вырезала целыми сёлами, царь предоставляет для поселения беженцев земли, соответствовавшие нынешней Харьковской области, и другие окрестные территории, до того не имевшие украинского населения.

Конечно, немаловажную роль в решении о воссоединении сыграло стремление патриарха поставить под свой контроль Киевскую митрополию и всё православное украинское население, чему, кстати, исподволь весьма сопротивлялась сама Киевская митрополия. Однако и государственных интересов тут исключать нельзя. Никон мнил себя грядущим Папой всего православного мира, и Украина была тут только первым шагом на юго-восток. В итоге всё-таки состоялась великая Переяславская рада, закрепившая единство великорусского и украинского народов. И, спасая народ Малороссии от истребления, Россия вступила в изнурительную 13-летнюю войну с Речью Посполитой.

Конечно, читая роман, невольно думаешь и о дне сегодняшнем. Перед нашими глазами разыгрывается драма под стать той, что произошла в XVII веке. Недруги русского и украинского народов пытаются столкнуть их лбами, пытаются убедить наших единокровных братьев-украинцев, что они — прогрессивная Европа, а Россия — ужасная, отсталая и мрачная Азия и ничего общего между нами нет. Бог весть чем всё это кончится. Однако трезвой украинской элите и интеллигенции было бы очень полезно вспомнить события XVII века, понять исторической выбор украинской элиты той эпохи, осознать, насколько не случаен он был.

Несколько слов об истории написания и публикации романа. Владислав Бахревский родился в Воронеже, жил на Нижегородчине, на Рязанщине, в Подмосковье. В середине 1970-х годов писатель с семьёй переехал в Евпаторию. Интерес к XVII веку и то обстоятельство, что, находясь в Крыму, нельзя было не ощутить, что живёшь-таки на территории УССР, не могли не привести писателя к фигуре Богдана Хмельницкого. Роман писался несколько лет. Автор побывал во многих уголках Украины, связанных с эпохой «Хмельниччины». Закончен «Долгий путь к себе» был в 1980 году. Автор предложил роман издательству «Современник» — одному из крупнейших московских издательств на тот момент. Роман был встречен редакторами благожелательно. Однако по нормам тех лет необходимо было получение как минимум двух рецензий.

Впоследствии академик и директор Института истории, а в те поры ещё только доктор исторических наук А. Н. Сахаров дал очень благожелательный отзыв. Однако другие рецензенты оказались из Киева. Их вердиктом было: «запретить издание романа во всех издательствах Советского Союза». Причиной тому послужило, возможно, то обстоятельство, что образ Богдана Хмельницкого в романе лишён черт идеального героя, эдакого «рыцаря без страха и упрёка». Он — живой человек, не без слабостей и не без сомнений. Не кумир, не памятник, состоящий из одних добродетелей. Однако возможно и более прозаическое объяснение. Точно в это же время свой роман о Хмельницком писал классик украинской литературы и один из руководителей Союза писателей УССР Павло Загребельный.

Издание романа застопорилось. Автор написал письмо Загребельному. Написал письмо Юрию Бондареву — руководителю СП РСФСР. Ни от того, ни от другого ответов не было. Было написано письмо и в Госкомиздат. Эта организация, ознакомившись с романом, ответила, что не видит никаких препятствий для публикаций романа. В «Современнике» же Владиславу Бахревскому сказали, что, вообще-то он — писатель УССР, а они публикуют в основном писателей РСФСР. Именно это заявление послужило одной из причин для решения писателя вернуться из Крыма в Подмоскowie. Автор забрал из издательства роман, а потом, уже вернувшись, в Россию, заново принёс его в издательство уже в качестве писателя РСФСР. Однако и теперь дело с места не сдвинулось. Кто-то чего-то очень боялся. Очевидно, имело место некое противодействие.

Владислав Бахревский никогда не имел врагов, будучи истинным патриотом своей страны, не примыкал к литературным политическим партиям. Тем не менее кто-то, по-видимому, не желал роста популярности писателя. В 1986 году десять разных издательств, не сговариваясь, поставили разные книги Бахревского в план. Это была оценка уровня реальной популярности и даже коммерческой успешности книг писателя. Однако тут же нашёлся некто, написавший донос в Госкомиздат. По неписаным правилам того времени советский писатель должен был издавать в год не более одной-двух книг. На секретарей СП СССР и других приближённым к власти авторов это правило не распространялось. В итоге в 1986 году из 10 книг не вышло в свет ни одной. Вспоминает писатель и о таком случае. В 1969 году в издательстве «Молодая гвардия»

вышел сборник его рассказов, озаглавленный по числу рассказов — «Дюжина». Возможно, самой сильной вещью сборника был поэтический рассказ об иконописце «Настасья Красная Туфелька». Сборник не был замечен критикой, но сам автор считал упомянутый рассказ неким важным рубежом в своём творчестве. «И вот уже через несколько лет после выхода книги в одной литературной компании, — вспоминает автор, — один, почти незнакомый мне человек, — писатель, но некий чиновник, занимавшийся вопросами литературы в ЦК партии, вдруг, про между прочим, сказал мне: “А туфельку твою мы тебе не забудем!”...»

Роман «Долгий путь к себе» всё-таки вышел в свет только в 1991 году. Уже давно бушевала перестройка. Самому Советскому Союзу оставалось не так долго жить. «Современник» выпустил роман тиражом в 200 000 экземпляров, что даже по широким советским меркам считалось массовым тиражом.

Думается, не развалился Союз, в дальнейшем у Владислава Бахревского сложилась бы очень успешная литературная судьба. Авторитет его как исторического писателя был высок. Он был одним из популярнейших авторов «Мурзилки» и «Пионерской правды», выходявших многомиллионными тиражами. Не единожды его произведениями интересовались кинопродюсеры. Интенсивность работы автора как в историческом, так и в детском жанре не снизилась и в лихие 90-е, и в 2000-е. К сожалению, наступивший «рынок» по-своему понял коммерческую свободу, сведя книгоиздательство почти исключительно к детективному жанру. Дёшево и сердито. Интересами и вкусами читателя СССР, воспитанного на весьма высоких художественных и интеллектуальных стандартах, пренебрегли. Серьёзная русская литература стала малотиражной и местечковой.

Но всё меняется. Возможно, новые политические реалии заставят государство взглянуть на настоящую литературу по-новому. Можно лишь быть уверенным, — книги Владислава Бахревского, как и раньше, постоят за себя сами.

Леонид Бахревский

Коммерческий успех. Успех писателя остановил развал СССР.

Часть первая
ДЕЛА ДОМАШНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

«Темнозрачному, адских пропастей начальнику и всем служителям его, демонам, чертям, всем рогатым и хвостатым, премерзостным харям...»

Перо скрипело, да так, что лучше бы кожу драли с живого мяса.

Казак намотал на палец оселедец, вперился в темный угол и углядел кошачьими своими глазами на земляном полу дувшуюся жабу. Плюнул в сердцах под ноги, отпустил оселедец, выжал из пореза на руке кровь на перо и, прикусывая от старания нижнюю губу, дописал грамоту до конца.

«...Вручаю душу и тело мое, ежели по моему хотению чинити мне споможение будут. Кровью своей подписался казак Иван Пшунка».

Помахал грамотой у себя над ухом, чтоб просохла, а заодно покосил глазом, ожидая явления сатанинского воинства.

Хата была брошенная. Когда-то жила в ней, дожидаясь счастья, дивчина Любомила. Красоты она была чудесной, от здешних парубков отмахивалась, как от мух, — и дождалась проезжего пьяного епископа. Все в этой хате и случилось. Любомила надругательство перенесла — умчалась с его преподобием на вороных, а вот отец-казак не перенес. Выследил дочку в епископском саду да и застрелил. Мать — камень на шею — и в реку. Казака рукастые слуги епископа схватили. До смерти не забили, но и ни одной живинки в теле не оставили. Кинули на проезжую дорогу. Но то ли уполз казак в укромную ямку да и помер тишком, то ли, собрав силенки, ушел в какие-то дали — никому про то неведомо, а ведомо одно — сгинул человек, вся семья сгинула. Осталась хата сиротой — темной силе на расплод.

— Ну, где вы тут? — страшным шепотом прорычал Пшунка. — Али света боитесь?

Дунул на лучину — и опять никого: пол не треснул, крышу не унесло. Выбил Иван Пшунка кирпич в печи, положил грамоту, кирпич на место поставил.

— Ладно, Любомила! Если ты и впрямь среди ихнего брьюхорылого братства — помогай. За Степаниду мою пойду панов резать и за тебя, бедненькую, дуреху.

Подождал, не окликнут ли. Нет так нет! Махнул рукой и вылез через выбитое окошко на свет божий.

Тоненький серп новорожденного месяца сиял на нежных украинских небесах. Пшунка вытянул из ножен саблю, и сабля показалась ему родным братом месяца. Коснулся Иван губами клинка — холодом обожгло губы, мурашки по спине хлынули, словно кто ведро ключевой воды шваркнул на спину.

Из вишневої рощи, тревожно-белой от цвета, не померкшей, не утонувшей во тьме ночи, вдруг запели дивчата:

Ой не хвалыся, да березонька!
Не ты свою кору выбиляла,
Не ты сее листе да шырочыла,
Не ты сее гилле да высочыла.
Выбиляло кору да яснее солнце,
Шырочыло листе да буйный витер,
Высочыло гилле да дрибен дощык.

— То-то и оно! — потряс чубом Пшунка и слева направо да справа налево рассек саблей воздух. — Не хвалилась бы ты, Степанида, красотой, береглась бы чужого глаза, а пуще того чужих ушей.

Вон как дивчинки стараются! Только что это за пение без голоса Степаниды. Сама невеличка, а в груди будто бы колокол о сорока пудах чистого серебра. Когда Степанида поет, успевай слезы сшибать. Хоть не душа у тебя, а высохший гриб — все равно откликнешься на радостные печали Степанидино пения. Вот и сидит теперь за дубовыми дверьми, за каменными стенами.

Поворотился казак лицом к замку князя Иеремии Вишневецкого. Стоял замок в темной стороне, а светился, заре вечерней не уступая. У князя пиры шли, приехал к нему молодой князь Дмитрий, которому Иеремия был опекуном.

Гостям на потеху и набрали в замок хорошеньких крестьяночек. Сам князь Иеремия человек был строгого житья, но для дорогих гостей у него — все радости жизни.

Колотило Ивана Пшунку на весеннем воздухе: люди песни поют, люди пируют, а он убивать идет. Но кого? Князя Дмитрия? Так не видал его в лицо ни разу. Князя Иеремию? Так тот с девками не безобразничает. Степаниду? Чтоб не опозорили, бедную? Так, может, и пронесет, помилует ее Бог? Срезать бы саблей весь замок — бородавку ненавистную — с лица земли, да только сабля нужна для такого дела заговоренная самим Вельзевулом. Ворваться бы в княжие покои да и крушить всех и вся, пока самого не убьют.